

УДК 299.572(470)

Причины возникновения феномена русского неоязычества*

А. А. Бесков

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, г. Нижний Новгород*

Аннотация. Русское неоязычество с каждым годом все больше привлекает внимание исследователей. Однако до сих пор слабо разработан вопрос о причинах возникновения этого феномена. Часто предпринимались попытки ответить на него умозрительно. Во многих работах повторяется тезис, согласно которому русское неоязычество является реакцией части общества на распад СССР, попыткой обрести новую культурную идентичность. Эта объяснительная модель сложилась на начальном этапе изучения данного феномена. Сейчас, на основе накопленных наукой данных, можно более детально проанализировать этот вопрос. Автор статьи приходит к выводу, что основной предпосылкой возникновения русского неоязычества стала либерализация общественной жизни. Конкретными факторами, которые привели к появлению этого феномена, стали: активизация националистического дискурса и обостренный интерес к истокам национальной истории, неудовлетворенность христианским мировоззрением или конкретно имиджем РПЦ, массовый интерес к эзотерике, захлестнувший нашу страну в 1990-е гг., деградация массового исторического сознания, озабоченность части общества экологическими проблемами, развитие ролевой субкультуры.

Ключевые слова: русское неоязычество, родноверие, православие и неоязычество, экологический кризис и религия, ролевая субкультура и неоязычество.

Русское неоязычество¹ не является остроактуальной для российского общества темой – о нем редко говорят по телевидению, нечасто пишут в прес-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15-31-01247).

¹ Под русским неоязычеством здесь понимается именно внутрисоссийский феномен возрождения дохристианских восточнославянских верований и обрядов, притом что большинство приверженцев этих идей ощущают себя в этническом отношении русскими. Часто этому термину может соответствовать слово «родноверие», родившееся в среде русских неоязычников именно для обозначения их мировоззрения и используемое в качестве научного термина некоторыми учеными. Следует, однако, заметить, что не все русские неоязычники склонны использовать это самообозначение, но при этом неоязычники из других стран со славянским населением тоже могут называть себя родноверами. Несмотря на то что далее в тексте в стилистических целях слово «родноверие» будет порой использоваться как синоним термина «русское неоязычество», читателю стоит помнить об их нестрогом соответствии друг другу.

се [9], но при этом число научных работ, посвященных этой проблематике, уже с трудом поддается учету. Это не кажется удивительным, учитывая, что данный феномен тесно связан с национальной идентичностью, и в этом отношении русское неоязычество соперничает с православием за право называться исконной русской религией [8; 30, с. 36–38]. Между тем вопрос о причинах возникновения этого феномена изучен недостаточно детально. Однако, не ответив на этот вопрос, вряд ли можно в должной степени понять суть явления. Вот почему возникает необходимость вновь включить этот вопрос в повестку дня.

Разумеется, многие авторы касались в своих работах этого вопроса. Но зачастую ответ на него давался в рамках отвлеченного теоретизирования, без опоры на конкретный эмпирический материал. Так, кто-то видит в неоязычестве симптом духовной деградации человечества, которая проявляется в культе денег и власти [34], другие – воплощение философских идей Ницше [17, с. 599, 600; 32, с. 18]. Порой авторы вовсе не считают нужным давать объяснение возникновению этого феномена, считая его чем-то болезненным и сравнивая его развитие с «распространением постоянно мутирующего вируса» [20, с. 200].

Если же ученые настраивают свою исследовательскую оптику так, чтобы более детально рассмотреть это явление, то следуют ставшие хрестоматийными утверждения, что неоязычество возникает как способ преодоления кризиса национальной и культурной идентичности, порожденного процессами глобализации, а в нашей стране этот кризис усугублялся «духовным вакуумом», связанным с перестройкой и идеологической дезориентацией общества [3, с. 141; 16, с. 59–61, 83–84; 31, с. 4, 10–11]. Нельзя не отметить, что на бумаге эта схема выглядит эффектно, но возникают дополнительные вопросы: почему неоязычество распространено сейчас едва ли не по всему миру, почему первые ростки его в нашей стране появились еще до революции и почему поиск новой национальной идентичности обретает черты религиозного поиска?

Умозрительный подход к вопросу о возникновении неоязычества наиболее рельефно представлен в монографии О. И. Кавыкина [16]. Нельзя не отметить начитанность автора, плетущего сложное философское кружево из странных цитат видных отечественных и зарубежных мыслителей. Но любители конкретных фактов и цифр могут быть разочарованы, ибо если не относиться к каждой приведенной автором цитате как к аксиоме, то концепция появления неоязычества как способа преодоления кризиса коллективной идентичности грозит обрушиться под собственной тяжестью. Так, например, смущают отсылки к некоему мифологическому образу мышления, который якобы включается у людей в моменты социокультурных потрясений. К сожалению, термин «мифология» в языке современной гуманитарной науки утратил четкий объективный смысл и зачастую употребляется совершенно не к месту [6]. Точно так же не все исследователи готовы, подобно О. И. Кавыкину, оперировать понятием «архетип», введенным в научный лексикон К. Г. Юнгом. Отсылки к психоаналитической категории бессознательного лишают других ученых возможности верифицировать построения автора.

Процесс, приводящий к активации мифологического мышления, автор называет архаизацией. Концепция архаизации действительно разрабатывается рядом ученых, свежий обзор литературы по теме и обоснование актуальности этой проблематики можно найти в монографии «Архаизация российских регионов как социальная проблема» [1]. В ней тоже мимоходом упоминается о неоязычестве как симптоме архаизации общества [1, с. 41, 122, 138], но ни там, ни в монографии О. И. Кавыкина не прояснен конкретный социально-психологический механизм, вызывающий архаизацию массового сознания, как нет и четкого определения, что такое архаичное сознание и чем оно отличается от современного. Таким образом, при всей внешней привлекательности этой концепции ее привлечение для объяснения возникновения феномена неоязычества выглядит как классическая ситуация *ignotum per ignotius*, когда нечто неизвестное пытаются объяснить через другое неизвестное.

В этой статье мы постараемся отойти от излишне умозрительного подхода и подкрепить свои соображения на счет истоков русского неоязычества фактическим материалом.

Несомненно, одной из наиболее значимых предпосылок появления русского, как и любого другого этнически окрашенного, неоязычества стал общественный интерес к национальной культуре. Этот тезис является общим местом, и именно поэтому русское неоязычество так часто сблизается авторами с русским национализмом. Порой мы видим попытки чуть ли не поставить знак равенства между нынешним русским неоязычеством и неоязычеством в Германии накануне прихода к власти Гитлера, причем немецкое неоязычество может даже именоваться «нацистским» [3]. Но это поверхностное отождествление искажает историческую и культурную суть данных явлений. Как пишет Р. Грюндер, «раннее неоязыческое движение было лишь периферийным явлением в гораздо более широком спектре так называемого Народного движения (*Völkische Bewegung*) в Германской империи» [10, с. 117]. Главную силу этого движения составляли протестанты, в то время как удельный вес неоязычников был очень мал. Во многом это движение было направлено против католической церкви, которая рассматривалась как сила, ограничивающая суверенитет немецкого национального государства. Более того, после прихода Гитлера к власти неоязыческие группы были подавлены, что позволило некоторым из них по окончании войны позиционировать себя как жертв нацизма [10, с. 118]. Таким образом, раннее немецкое неоязычество явилось естественным, но побочным эффектом процесса складывания единого немецкого государства. Неоязычество зарождалось в молодой, набирающей силу Германской империи, и сравнивать эту ситуацию с зарождением неоязычества в гибнущей «Советской империи» странно. Особенно если учесть, что на отечественной почве неоязычество зарождалось не в последние годы существования СССР, как это обычно считается, а примерно в то же время, что и в Германии². При

---

² Интерес к языческой славянской старине среди образованной публики начал прослеживаться еще в первой половине XIX в., чему способствовали эстетические идеи эпохи романтизма, публикация памятников древнерусской письменности и трудов по

этом политическая и религиозная ситуация в Германской и Российской империях не были тождественными.

Итак, интерес к истокам национальной истории и культуры оказывает явное влияние на зарождение неоязыческих идей, причем не только в России³. Но может быть задействован и иной механизм. В анонимной статье, опубликованной в 1875 г. лондонским журналом *Fraser's Magazine* и переведенной на русский язык Д. Гальциным [33], представлен прекрасный иллюстративный материал, демонстрирующий, как в Средние века и Новое время в Европе пробивались ростки поклонения античным богам. Это неоязычество не имело националистической окраски, будучи основано, прежде всего, на преклонении перед античной мудростью. В то время оно не могло вырваться за рамки узкого круга интеллектуалов. Но как только идеологический гнет государства и церкви ослабел, у язычества возник исторический шанс на возрождение. Пример России показателен. У язычества было лишь два исторических шанса вновь проникнуть в массовое сознание – в лихолетье накануне распада Рос-

---

славянской мифологии. В начале XX в. он только усиливается, бог Перун овладевает умами отечественных поэтов, а мир древних славян становится одним из культурных кодов поэзии Серебряного века [7, с. 9–10]. Неоязыческие интенции прослеживаются в среде отечественных писателей и философов того времени, в частности Д. С. Мережковского и В. В. Розанова [17, с. 608–610]. Любовь к языческой старине начинается и на периферии русского мира. Так, в 1883 г. на территории Австро-Венгрии во львовском журнале «Зоря» вышла повесть Ивана Франко «Захар Беркут» о том, как карпатские русины-язычники борются с монголами. Автор любит общинный строй, которому соответствовала «свободная, чистая общинная религия», и даже рассказывает в книге мифы о славянских богах. Весьма символично, что в 1913 г. на Втором украинском съезде студентов, посвященном 40-летию творческой деятельности И. Франко, уроженец Полтавщины скульптор М. Гаврилко призывал аудиторию к возврату к своим богам. Будучи украинским националистом, он боролся за независимость УНР и молился языческим божествам в присутствии подчиненных ему солдат [4, с. 111]. На основе таких фактов можно проводить параллели между немецким и украинским неоязычеством – обостренный интерес к национальной культуре и демонстративное отрицание представляющейся чуждой религии (в случае украинских националистов – православия) как побочные эффекты построения национального государства. Примечательно, что в те же годы русский офицер, будущий маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, находясь в немецком плену (с 1915 по 1917 г.), то ли в шутку, то ли всерьез поклонялся Перуну, идола которого он изготовил из картона. По возвращении из плена он показывал некоторым однополчанам маленьких, собственноручно вырезанных из дерева идолов. Позднее, став красным командармом, он, по некоторым данным, подал в Малый Совнарком проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества в РСФСР в качестве государственной религии [18, с. 125–126]. Впрочем, советским вождям, в отличие от их «коллег» в Германии или УНР, религия была столь же чужда, как и идея построения национального государства.

³ Любопытно, что этнически ориентированное неоязычество появилось и там, где, казалось бы, его вовсе не должно быть – в Греции [21], духовно окормившей языческих славян, и в Израиле [36], где, собственно, и родилось понятие о язычниках как народах, не разделяющих веру в бога Ветхого Завета.

сийской империи и с распадом СССР. Именно тогда мы и можем видеть его проявления. В первый раз оно было задавлено в зародыше новой, советской идеологией. В наши дни ему активно пытаются противостоять поддерживаемое государством православие. Парадокс в том, что само российское православие (точнее, имидж РПЦ) и является в определенной степени катализатором развития русского неоязычества.

Из приведенных выше примеров видно, что причиной активации неоязыческого дискурса может служить постепенно вызревающее недовольство господствующими религиями, претендующими на культуртрегерскую миссию и способными оказывать влияние на государственную политику⁴. И если в ряде случаев это недовольство смыкается с политическими мотивами, когда христианство видится помехой на пути национальной консолидации, то в других оно обусловлено в большей степени неприятием официальной религиозности, «неправедности» церкви [22, с. 99], несоответствием христианских идей, с которыми ознакомились будущие язычники, их личным духовным потребностям [23, с. 104; 27, с. 121]. В этом нет ничего специфически русского, переход из христианства в язычество наблюдается и в других странах, например в Армении [2, с. 108–109] и Германии [10, с. 122]. Бывает и спутанная религиозная идентичность. Показательна «эволюция» взглядов Ильи Лазаренко – создателя неоязыческой церкви «Общество Нави», который до того демонстрировал свою преданность православию и вернулся в лоно православия после увлечения неоязычеством [29, с. 164–166]. Характерно, что в любом религиозном лагере он оставался радикальным националистом, что подчеркивает несостоятельность попыток абсолютизировать связь между национализмом и неоязычеством.

Если развивать тему взаимовлияния православия и неоязычества, нельзя не отметить, что некоторые разновидности русского неоязычества представляют собой инверсию православия. Ярчайшим примером служит «Церковь православных староверов-инглингов» [35]. Помимо позиционирования себя как церкви и определения своего вероучения как православного, инглинизм напоминает свой христианский прототип многочисленными деталями, например почитанием в ряду других богов Иисуса, концепцией Триглава – аналога христианской Троицы, который образуют славянские божества, осмысляемые как ипостаси Единого Бога. И хотя многие родноверы считают инглингов псевдоязычниками, обозначение русского язычества как православия остается довольно популярным в соответствующем сегменте интернета, поскольку считается производным от слов «славить Правь» («Правь» – это один из важнейших концептов русского неоязычества)⁵. Курьезно выглядит и лексикон

⁴ Разумеется, это недовольство может проявляться по-разному, например в форме пародийной религии («пастафариянство») или протестов части общественности против клерикализации образования и передачи Церкви имущества музеев. Неоязычество является еще одним вариантом воплощения такого недовольства.

⁵ Схожую ситуацию можно наблюдать в армянском неоязычестве: «И в идеологическом обосновании, и в ритуальной системе преобладают компоненты, заимствованные из христианства под предлогом “возвращения” некогда присвоенных и искаженных культурно-религиозных ценностей» [2, с. 126].

некоторых неоязычников, включающий в себя множество заимствований из церковнославянского языка. Это не удивительно, учитывая процент бывших православных среди родноверческих лидеров⁶. Вероятно, и антисемитизм, в котором нередко обвиняют русских неоязычников, является отражением традиционного христианского антисемитизма. В целом можно говорить о двух типах вхождения в неоязычество путем отхода от православия: радикальном, выражающемся в форме критики христианства либо даже некоего реформирования последнего; и толерантном, не отказывающемся христианству в уважении. Иллюстрацией второго из этих вариантов может стать позиция известного боксера Александра Поветкина: «Больше всего мне не нравится, когда пытаются разделять: православие и язычество. Ну зачем? И то, и другое – наша история. Но мне и по совести, и по духу ближе то, что было до христианства. То, что было в Киевской Руси. Поэтому я язычник» [14]. В этой позиции тоже нет чего-то необычного. Например, на Мальте неоязычники вполне лояльно относятся к традиционному вероисповеданию – католичеству, но находят его не вполне подходящим для себя [38].

Наряду с интересом к религии, на путь язычества человека может привести и интерес к эзотерике, мистике. Подобную эволюцию претерпел духовный мир волхва Велеслава (И. Г. Черкасова) [25]. Однако вполне очевидно, что итогом такого интереса может стать что угодно – от увлечения каббалой или шаманизмом⁷ до изучения исихастской традиции. Но в случае Велеслава этот интерес совместился с размышлениями «о национальном аспекте сакрального знания», что и привело его в итоге к использованию термина «родноверие» для описания своего мировоззрения.

Рост интереса со стороны российского общества к различным паранормальным явлениям и псевдонаучным учениям, совпавший по времени с распадом СССР, безусловно, способствовал распространению неоязыческих идей. Но и здесь не нужно совершать логической ошибки *post hoc ergo propter hoc* и считать, что этот интерес был вызван именно распадом страны и попыткой общества обрести новые «духовные скрепы». Скорее, дело в том, что в то время государство лишилось издательской монополии, и стало возможным публиковать любые, самые абсурдные сочинения. Советское общество не обладало иммунитетом против псевдонауки, так как в СССР фактически ее не было. В постсоветский период российское массовое историческое сознание стало в целом менее научным, что дает повод говорить о его деградации [5]. Поэтому не удивительно, что пресловутая «Влесова книга» и другие фальси-

⁶ Среди двенадцати человек, прошедших соответствующее анкетирование, таких отыскалось пять – столько же, сколько и бывших атеистов; среди рядовых родноверов бывших православных оказалось 24 % [11, с. 26].

⁷ Стоит заметить, что шаманизмом всерьез заинтересовались некоторые родноверческие лидеры, как, например, Велимир, о котором еще будет сказано ниже, или Лютослав, он же шаман Ах Пуур Дээр Хам [26]. Синтез родноверия и шаманизма лишней раз подчеркивает, что русское неоязычество отнюдь не сводится к любованию славянской стариной и политическим лозунгам, но стремится обрести подлинно религиозное, мистическое наполнение.

фицированные источники оказали влияние на умы наших соотечественников. И хотя сейчас подобные сочинения уже встречают здоровый скептицизм со стороны многих родноверов [26, с. 90; 22, с. 100; 27, с. 122], некоторые неоязыческие лидеры отмечают, что такие книги оказали непосредственное влияние на становление русского неоязычества [24, с. 104].

Еще одной важной причиной возникновения неоязычества является сознание людей экологическим идеалам. Этой большой теме мы надеемся посвятить отдельную статью, здесь же ограничимся краткими тезисами.

Еще в 1967 г. в журнале *Science* американским историком Л. Т. Уайтом-младшим был высказан упрек в адрес христианства, в котором он увидел источник современных экологических проблем [39]. По его мнению, христианство возвысило человека над природой, оправдав более интенсивную эксплуатацию природных ресурсов. Неизвестно, знакомы ли с этой статьей лидеры русского неоязычества, но схожие мысли высказываются в книгах некоторых из них, в частности Доброслава (А. А. Добровольского), Велимира (Н. Н. Сперанского) и уже упоминавшегося Велеслава. Пожалуй, наиболее интересна в этом отношении личность Велимира. Кандидат наук, физик-ядерщик, он пришел к язычеству через участие в работе эколого-культурного центра, еще в 80-х гг. прошлого века [28, с. 41–46]. Название одной из его работ – «Книга природной веры» – говорит само за себя.

Пока нет массового материала, позволяющего судить о том, насколько важна идея заботы о природе для большинства русских неоязычников. Но, по некоторым данным, мотив единения с природой действительно важен для них. Так, изучение особенностей обращения в язычество 17 респондентов-родноверов показало, что 5 из них пришли к язычеству через осознание своего единства с природой, и это второй по важности фактор после осознания своей национальной принадлежности (соответственно 6 человек) [12, с. 84]. В этом также нет ничего специфически российского, энвайронменталистская мотивация характерна, например, для неоязычников в США [37].

Еще одним фактором, который мог повлиять на возникновение неоязычества в России, является развитие движения ролевиков (образчиком таковых являются толкиенисты, разыгрывающие сценарии, основанные на книгах писателя Дж. Р. Р. Толкина). В нашей стране появление этого феномена, относящегося к 1990 г. [13, с. 101–102], совпало по времени с зарождением неоязыческого движения. Некая связь между современными игровыми практиками и новыми видами религиозности уже отмечалась в науке [19], но применительно к русскому неоязычеству всерьез не рассматривалась. Между тем в приложениях к своей книге О. И. Кавыкин привел интересный материал – переписку с супружеской парой, состоящей в клубе исторической реконструкции [16, с. 171–175]. Женщина считает себя христианкой, но отмечает, что в то же время, как и все в клубе, она язычница. На вопрос, как это сочетается, она отвечает: «это вроде ролевой игры (только для меня)» и замечает также, что для ее мужа языческие обряды – «это почти что реальность». Дальнейшие ответы не слишком проясняют ситуацию: «Поклонение действительно носит игровой характер, граничащий с определенной верой (это как играть в любую люби-

мую игру)»; но «игровых обрядов как-то нет. Все обряды проходят по-настоящему – это вполне серьезно» [16, с. 174]. Материала об игровом аспекте русского неоязычества пока почти нет, но есть типологически схожие данные из Армении [2, с. 124].

В отсутствие специальных исследований можно лишь строить догадки о том, почему люди оказываются склонными играть в язычество. Пока же некоторый свет на этот вопрос может пролить работа группы психологов из Москвы [15], которые провели психодиагностическое обследование 30 ролевиков (их религиозные взгляды не рассматривались). Были выявлены определенные личностные предпосылки для участия в ролевых играх. Не вдаваясь в специфические подробности, стоит отметить, что «у половины испытуемых наблюдалась некоторая слабость внутренней границы “я” с наплывами неосознанных переживаний, с пребыванием во власти чувств, сновидений и фантазий, с нарушением сосредоточения и сна» [15, с. 129]. Отмечается незрелость или деформация личностной структуры испытуемых, структурная патология личности с преобладанием эго-состояния «Ребенок» как отличительная черта ролевиков, их склонность к протестному поведению [15, с. 133]. Интересно также наблюдение, что около 10 % ролевиков перестают различать игру и реальность, продолжая идентифицировать себя с выбранным персонажем после окончания игры [15, с. 128]. Думается, нечто подобное может происходить и в неоязыческой среде.

Итак, выше было рассмотрено несколько различных факторов, которые приводят к формированию неоязыческой идентичности. Безусловно, есть другие причины «вхождения» в язычество, например воспитание (неоязычники «первой волны» имеют детей и даже внуков), пример друзей, распространение неоязыческих идей в интернете и т. п. Однако подобные причины начали проявляться позднее. Основными же факторами, которые привели к появлению феномена русского неоязычества, стали: активизация националистического дискурса и обостренный интерес к истокам национальной истории, неудовлетворенность христианским мировоззрением и/или конкретно имиджем и действиями РПЦ, массовый интерес к эзотерике и мистике, захлестнувший нашу страну в 1990-е гг., деградация массового исторического сознания, озабоченность части общества экологическими проблемами, развитие ролевой субкультуры. Ни один из этих факторов сам по себе не является первопричиной возникновения неоязычества, но взаимное их переплетение приводит к такому результату, причем, учитывая исторические параллели, это выглядит закономерным. Похоже, что основной и достаточной предпосылкой возникновения неоязыческого движения является сворачивание политики жесткой борьбы с языческим наследием, которую, под влиянием христианской церкви, проводили европейские государства на протяжении большей части своей истории.

Можно надеяться, что по мере накопления эмпирических фактов и появления новых работ, уточняющих социально-психологические особенности обращения наших современников в неоязычество, мы станем лучше понимать детали этого процесса. Но уже сейчас очевидно, что пришла пора отказаться от излишне схематичного его изображения, свойственного исследователям на

раннем этапе изучения этого многогранного явления. В конечном счете это может привести к переосмыслению роли язычества и неоязычества в мировой культуре, позволит лучше понять вневременные, универсальные потребности человеческого общества. Но это уже тема для другой, более обширной работы.

Список литературы

1. *Абдрахманов Д. М.* Архаизация российских регионов как социальная проблема / Д. М. Абдрахманов, А. М. Буранчин, И. В. Демичев. – Уфа : Мир печати, 2016. – 404 с.
2. *Антонян Ю.* «Воссоздание» религии: неоязычество в Армении / Ю. Антонян // *Laboratorium*. – 2010. – № 1. – С. 103–128.
3. *Баринов И.* Интеллектуальные и психологические основы российского и нацистского неоязычества: компаративный очерк / И. Баринов // *Форум новейшей восточноевроп. истории и культуры*. Рус. изд. – 2015. – № 1. – С. 141–152.
4. *Беднарчик Т. Р.* Неоязыческая религиозность в армии Украинской Народной Республики в 1917–1923 годах / Т. Р. Беднарчик // *Colloquium heptaplomeres*. – 2014. – № 1. – С. 110–116.
5. *Бесков А. А.* Деградация массового исторического сознания россиян как угроза национальной безопасности: причины, тенденции, пути преодоления / А. А. Бесков // *Политика и Общество*. – 2016. – № 4. – С. 466–479. doi: 10.7256/1812-8696.2016.4.14949.
6. *Бесков А. А.* Мифология мифологии / А. А. Бесков // *Общество. Среда. Развитие*. – 2015. – № 1. – С. 116–120.
7. *Бесков А. А.* Реминисценции восточнославянского язычества в современной российской культуре (статья первая) / А. А. Бесков // *Colloquium heptaplomeres*. – 2015. – № 2. – С. 6–18.
8. *Бесков А. А.* «Русский вопрос» в контексте государственно-конфессиональных отношений в современной России / А. А. Бесков // *Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания*. – Н. Новгород : НГЛУ, 2014. – С. 467–477.
9. *Бесков А. А.* Образ русского неоязычества в российской прессе начала XXI века / А. А. Бесков, П. П. Кочеганова // *Политика и Общество*. – 2016. – № 9. – С. 1296–1311. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.9.19245.
10. *Грюндер Р.* Неоязычество в Германии / Р. Грюндер // *Colloquium heptaplomeres*. – 2014. – № 1. – С. 117–125.
11. *Гусева Е. С.* Психологическая специфика религиозной конверсии лидеров новых языческих общин / Е. С. Гусева, Р. В. Шиженский // *Colloquium heptaplomeres*. – 2016. – № 3. – С. 25–28.
12. *Гусева Е. С.* Психологические особенности «религиозной инициации»: опыт православно-языческого параллелизма XXI века / Е. С. Гусева, Р. В. Шиженский // *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*. – Н. Новгород : Минин. ун-т, Тип. «Поволжье», 2016. – С. 78–91.
13. *Демина А. В.* Феномен «ролевого движения» в России / А. В. Демина // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2010. – № 2. – С. 101–106.
14. *Дудь Ю.* Александр Поветкин: «Я язычник. По духу и совести мне ближе то, что было до христианства» [Электронный ресурс] / Ю. Дудь. – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/dud/564404.html> (дата обращения: 01.04.2017).

15. *Есаулов В. И.* Ролевые игры живого действия: кто играет и зачем / В. И. Есаулов, С. А. Ошемкова, Н. А. Ошемкова // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. – 2015. – № 11, ч. 2. – С. 127–134.
16. *Кавыкин О. И.* «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России / О. И. Кавыкин. – М. : [б. и.], 2007. – 232 с.
17. *Крутоус В. П.* Новоязычество в контексте культурного кризиса XX – начала XXI века // Эстетика и время. Книга взаимоотражений / В. П. Крутоус. – СПб. : Алетейя, 2012. – С. 595–618.
18. *Минаков С. Т.* Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина / С. Т. Минаков. – М. : Алгоритм, 2016. – 528 с.
19. *Михельсон О. К.* Массовая культура, игра и новая религиозность / О. К. Михельсон // Вестн. СПбГУ. Сер. 17. – 2013. – № 1. – С. 113–117.
20. *Мороз Е.* Неоязычество в России / Е. Мороз // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / сост. А. Верховский. – М. : Сова, 2005. – С. 196–225.
21. *Петрунина О. Е.* Православие и неоязычество в современной Греции / О. Е. Петрунина // Религии мира: история и современность. 2005. – М. : Наука, 2007. – С. 283–298.
22. *Суровегина Е. С.* Интервью с Боричем (Д. Е. Соколовым) / Е. С. Суровегина // Colloquium heptaplomeres. – 2016. – № 3. – С. 99–102.
23. *Суровегина Е. С.* Интервью с А. П. Амплеевым / Е. С. Суровегина // Colloquium heptaplomeres. – 2016. – № 3. – С. 103–106.
24. *Шиженский Р. В.* Интервью с Богумилом (Б. А. Гасановым) / Р. В. Шиженский // Colloquium heptaplomeres. – 2015. – № 2. – С. 102–116.
25. *Шиженский Р. В.* Интервью с Велеславом (И. Г. Черкасовым) / Р. В. Шиженский // Colloquium heptaplomeres. – 2014. – № 1. – С. 177–184.
26. *Шиженский Р. В.* Интервью с Лютославом (А. А. Косовичем) / Р. В. Шиженский // Colloquium heptaplomeres. – 2016. – № 3. – С. 89–91.
27. *Шиженский Р. В.* Интервью с Askr Svarte (Е. А. Нечкасовым) / Р. В. Шиженский // Colloquium heptaplomeres. – 2015. – № 2. – С. 121–124.
28. *Шиженский Р. В.* Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского) / Р. В. Шиженский. – Н. Новгород : Тип. «Поволжье», 2014. – 216 с.
29. *Шнирельман В. А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России / В. А. Шнирельман. – М. : Изд-во ББИ, 2012. – 302 с.
30. *Шнирельман В. А.* Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя / В. А. Шнирельман // Неоязычество на просторах Евразии / сост. В. А. Шнирельман. – М. : ББИ, 2001. – С. 10–38.
31. *Шнирельман В. А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России / В. А. Шнирельман // Этногр. обозрение. – 2003. – № 4. – С. 3–14.
32. *Эпштейн М. Н.* Религия после атеизма. Новые возможности теологии / М. Н. Эпштейн. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 416 с.
33. Язычество, которое выжило [Электронный ресурс]. – URL: <http://religious.life/2014/12/the-survival-of-paganism/> (дата обращения: 02.04.2017).
34. *Якупов М. Т.* Возвращение язычества и трансформации религии / М. Т. Якупов // Религиоведение. – 2009. – № 3. – С. 175–179.
35. *Яшин В. Б.* «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа / В. Б. Яшин // Неоязычество на просторах Евразии / сост. В. А. Шнирельман. – М. : ББИ, 2001. – С. 56–67.

36. *Feraro Sh.* The Return of Baal to the Holy Land: Canaanite Reconstructionism among Contemporary Israeli Pagans / Shai Feraro // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions.* – 2016. – Vol. 20, N 2. – P. 59–81. doi: 10.1525/nr.2016.20.2.59.

37. *Oboler R.* Nature Religion as a Cultural System? Sources of Environmentalist Action and Rhetoric in a Contemporary Pagan Community / Regina Smith Oboler // *The Pomogranate.* – 2004. – Vol. 6, N 1. – P. 86–106. DOI: 10.1558/pome.v6i1.86.

38. *Rountree K.* Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society / Kathryn Rountree // *Journal of the Royal Anthropological Institute.* – 2011. – Vol. 17, N 4. – P. 846–872. doi: 10.1111/j.1467-9655.2011.01722.x

39. *White L.* The Historical Roots of Our Ecologic Crisis / Lynn T. White, jr. // *Science.* – 1967. – Vol. 155, N 3767. – P. 1203–1207.

Causes of Russian Neo-Paganism

A. A. Beskov

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod

Abstract. Russian Neo-Paganism is increasingly attracting the attention of researchers. The question about the reasons of this social phenomenon, however, remains understudied. All endeavors to answer it have mostly been speculative. The thesis that Russian neo-paganism is a reaction of the society to the collapse of the Soviet Union and an attempt to find a new cultural identity is repeated in many works. This explanatory model emerged at the initial stage of studying this phenomenon. With more data available now it is possible to study this issue in more details. The author comes to the conclusion that the main prerequisite for the emergence of Russian neo-paganism was the liberalization of public life. Triggering factors were: intensification of the nationalist discourse and a keen interest in the origins of national history, dissatisfaction with the Christian worldview, particularly with the image of the Russian Orthodox Church, widespread interest to the occult ravaging the Russian society in the 1990s, degradation of Russian historical consciousness, concern of the part of the society for environmental problems and the development of a role subculture.

Keywords: Russian neo-paganism, native faith, Russian Orthodoxy and neo-paganism, ecologic crisis and religion, role subculture and neo-paganism.

Бесков Андрей Анатольевич
кандидат философских наук, научный
сотрудник, лаборатория «НРД в
современной России и странах Европы»
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
603950, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
тел.: 8(831)2622048
e-mail: beskov_aa@mininuniver.ru

Beskov Andrey Anatolevich
Candidate of Sciences (Philosophy),
Researcher, «New Religious Groups in
Contemporary Russia and Europe»
Research Laboratory
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical
University
1, Ulyanov st., Nizhny Novgorod, 603950
tel.: 8(831)2622048
e-mail: beskov_aa@mininuniver.ru